

На правах рукописи

ГОЛЕМБОВСКАЯ Наталья Георгиевна

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ АНТИНОМИИ
В РУССКИХ И ЛИТОВСКИХ ПАРЕМИЯХ**

10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Волгоград – 2014

Работа выполнена в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Волгоградский государственный университет».

- Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор
Милованова Марина Васильевна.
- Официальные оппоненты: *Дмитриева Ольга Александровна*, доктор филологических наук, доцент (Волгоградский государственный социально-педагогический университет, профессор кафедры английской филологии);
- Барышников Михаил Сергеевич, кандидат филологических наук (Центр иностранных языков «Ревод» (г. Волгоград), зам. директора по учебно-методической работе).
- Ведущая организация – Балтийский федеральный университет.

Защита состоится 23 октября 2014 г. в 10.00 час. на заседании диссертационного совета Д 212.027.01 в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете по адресу: 400066, г. Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

Текст автореферата размещен на официальном сайте Волгоградского государственного социально-педагогического университета: <http://www.vgpu.org> 11 июля 2014 г.

Автореферат разослан 9 сентября 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

Н.Н. Остринская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование выполнено в русле сопоставительной лингвистики, лингвокультурологии и компаративной паремиологии.

Актуальность данной работы обусловлена рядом факторов: 1) активным развитием в современной лингвистике антропоцентрического подхода к исследованию языковых явлений; 2) отсутствием комплексного описания антиномических бинарных оппозиций как элементов пространства наивных языковых картин мира на материале русского и литовского языков; 3) недостаточной разработанностью принципов классификации лексико-грамматических средств репрезентации лингвокультурных антиномий в образной картине мира носителей русского и литовского языков; 4) необходимостью изучения паремий с позиций сопоставительной лингвокультурологии, что позволяет выявить зафиксированные на вербальном уровне сходства и различия в развитии национально-языкового сознания и определить специфичность языковых картин мира.

В настоящее время в научной литературе общепринятым является положение, что и в культуре, и в языке каждого народа присутствует универсальное (общечеловеческое) и национально-специфическое. В любой лингвокультуре имеются присущие только ей культурные значения, закрепленные в семантике языковых единиц, моральных нормах, убеждениях, особенностях поведения человека и т.п. Это особенно ярко прослеживается в паремиях, логико-семиотическая структура которых представляет собой наднациональный универсум, а образно-языковое воплощение оригинально, национально, принадлежит конкретному народу, нации, определенному языку. Особый интерес в этой связи представляет характеристика антиномических бинарных оппозиций, семантизирующих значимость неких ценностей через противопоставление их антиценностям, отражающих философию культур и языков и широко представленных в паремическом фонде различных языковых коллективов.

В основу работы положена следующая **гипотеза**: лингвокультурные антиномии представляют собой иерархическую структуру, в основе которой лежат полярные характеристики номинируемых качеств, состояний, действий, отношений носителя языка, что находит объективацию в языковой семантике, в частности в паремиях.

Объектом исследования являются лингвокультурные антиномии, **предметом** – паремичные единицы как средства выражения данных антиномий в русском и литовском языках.

Цель исследования – выявить особенности репрезентации лингвокультурных антиномий в семантике паремичных единиц русского и литовского языков. Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1) выстроить структуру антиномий, отражающую бинарные оппозиции в сопоставляемых лингвокультурах;

2) охарактеризовать закономерности репрезентации конститутивных компонентов выстроенных биномов в семантике паремичных единиц русского и литовского языков;

3) выявить особенности лексических, грамматических, лексико-грамматических средств выражения контраста в русской и литовской паремике;

4) определить национально-культурную специфику репрезентации лингвокультурных антиномий в сопоставляемых языках.

Материалом исследования послужили 3000 паремичных единиц русского (1800) и литовского (1200) языков, извлеченных методом сплошной выборки из ряда словарей и сборников: «Пословицы русского народа» В.И. Даля (1996), «Словарь русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова (2000), «Русские народные пословицы и притчи» И.М. Снегирева (1995); «Lietuvių patarlės ir priežodžiai: sisteminis sąvadas» под ред. К. Григаса (т. 1 – 2000; т. 2 – 2008), «Patarlių žodynas: Lietuvių, lenkų, anglų, prancūzų, ispanų, vokiečių, rusų, italų, lotynų kalbom» (составитель литовской части – R. Kašėtienė, 2000). Помимо этого использовались данные электронной картотеки литовских пословиц и поговорок (Lietuvių patarlės ir priežodžai / elektroninis sąvadas), созданной Институтом литовской литературы и народного творчества.

В работе использованы следующие **методы** исследования: методы наблюдения и описания, сопоставительный метод, элементы метода компонентного анализа, контекстуального анализа, применялись элементы метода полевого структурирования, лингвокультурологического анализа.

Научная новизна исследования заключается в обращении к комплексному рассмотрению структурно-семантических особенностей паремий. Определена иерархическая структура лингвокультурных антиномий, позволяющая выявить национально-культурную специфику вербализации различных полярных характеристик внутреннего мира человека в семантике паремичных единиц русского и литовского языков. Разработана типология паремичных средств выражения бинарных качеств, действий, состояний, отношений одушевленного субъекта в русском и литовском языках. Установлена специфика отражения в семантике русских и литовских паремий контрастного восприятия окружающей действительности носителями неблизкородственных языков.

Теоретическими и методологическими основами исследования послужили труды российских и зарубежных ученых в области паремиологии – от наиболее известных сборников и монографий XIX в. (Снегирев 1848; Буслаев 1854; Даль 1861, И.Е. Тимошенко 1897, А.А. Потехня 1894 и др.) до современных исследований (Н.Ф. Алефиренко 2009, В.П. Аникин 1996, М. А. Рыбникова 1958, Г.Л. Пермяков 1988, И.А. Подюков 1999, Л.Б. Савенкова 2002, Е.И. Селиверстова 2009, Г.Д. Сидоркова 1999, В.Н. Телия 1996 и др.); компаративной паремиологии (И. Гольшух 1888, Я. Лаутенбах 1896; К. Григас 1987, Э. Кокаре 1978,

Ю.Г. Солодуб 1998 и др.); лингвокультурологии (Н.Д. Арутюнова 1999, Е.М. Верещагин 2005, В.И. Карасик 2007, Ю.Н. Караулов 1987, В.Г. Костомаров 2005, Н.А. Красавский 2001, О.А. Леонтович 2011, В.А. Маслова 2001, М.В. Милованова 2007, В.М. Мокиенко 2005, В.И. Постовалова 1999, Э. Сепир 1993, Г.Г. Слышкин 2000, Ю.С. Степанов 1997, Н.Л. Шамне 2000 и др.).

Исследование опирается также на концепцию лингвистической противоположности (Л.А. Новиков 1973), на идеи объективизации антиномий и классификации антиномий (В. фон Гумбольдт 2000, А.А. Потебня 1958, П.А. Флоренский 1988, Ю.Д. Апресян 1986, Т.Г. Бочина 2003, Е.Н. Миллер 1990, Э.И. Родичева 1968, Н.М. Шанский 2007 и др.).

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она вносит определенный вклад в развитие лингвокультурологии, лексической семантики, в дальнейшее описание русской и литовской языковых картин мира, т.к. содержит подробный анализ репрезентации установленной структуры лингвокультурных антиномий в семантике паремий сопоставляемых языков. На основе разноуровневого анализа паремичных средств выражения бинарных оппозиций внутреннего мира человека выявлена релевантность тех или иных антиномических характеристик для неблизкородственных языков и культур. Предложенная методика анализа фактического материала с позиций структурного моделирования может найти применение в других исследованиях по лингвокультурологии и компаративной паремиологии.

Практическая значимость работы определяется возможностью использовать полученные в ходе исследования результаты в курсах лексикологии, межкультурной коммуникации, спецкурсах по компаративной паремиологии, лингвокультурологии, при обучении интерпретации художественных и публицистических текстов, в практике преподавания русского и литовского языков как иностранных, а также в лексикографической практике.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Лингвокультурные антиномии, выраженные паремиями, представляют собой контрадикторные суждения, содержанием которых являются основные проявления жизнедеятельности субъекта: личностные качества, состояния, отношения, деятельность, выполняемые роли в социуме.

2. Контрадикторность антиномий находит отражение в их структуре, которая представляет собой бинوم. Его конститутивными компонентами являются мономы, номинирующие полярную антиномичную характеристику, и субмономы, ее квалифицирующие. Установленная структура репрезентируется паремиями.

3. В зависимости от специфики квалификации антиномичной характеристики субмономы образуют следующие группы: качественные, аддитивные, экзистенциальные, поведенческие, результирующие, аксиологические, акциональные, реляционные, количественные. Состав

данных групп варьируется в рамках различных антиномий. Качественные субмономы входят в структуру всех выделенных биномов.

4. Наибольшую квалификацию в сопоставляемых лингвокультурах получают мономы «любовь», «богатство», «бедность», «пьянство», «ложь», «женщина». Структурные компоненты отдельных биномов представлены в русской и литовской паремике несимметрично: мономы «щедрость», «добро» имеют большую номинативную плотность в русском языке, мономы «ум», «вражда» – в литовском языке. Установленные мономы отличаются различной степенью национально-культурной специфичности и включают в свой состав национально-культурные субмономы: в русском языке – «опасность глупости», «оправдание глупости», «дурак» (в мономе «глупость»), «разлука» (в мономе «любовь»), «бедность и семья», «зоосемантический, природный образ» (в мономе «бедность»), «ложная щедрость», «нежадность» (в мономе «щедрость»), «безграничная жадность», «страдание» (в мономе «жадность»), «бесшабашность» (в мономе «храбрость»), «допустимость» (в мономе «трусость»), доброе отношение (в мономе «добро»), «божественная правда», «принуждение к правде» (в мономе «правда»), «легкость», «ложь и бедность» (в мономе «ложь»), «хорошие родители» (в мономе «родители»), «строгость воспитания», «многодетность», «неразумность» (в мономе «дети»), «советы мужу» (в мономе «мужчина»), «женская сила» (в мономе «женщина»); в литовском языке – «недостаток ума» (в мономе «ум»), «быстротечность» (в мономе «любовь»), «богатство священника», «наивысшие возможности», «труднодостижимость» (в мономе «богатство»), «дружба и молодость» (в мономе «дружба»), «положительное качество» (в мономе «щедрость»), «последствия» (в мономе «трусость»), «выгода» (в мономе «добро»), «недейственность» (в мономе «правда»), «мужское коварство» (в мономе «мужчина»).

5. Языковые средства, репрезентирующие биномиальную структуру паремий, образуют поле контраста. Ядро поля составляют узуальные антонимы, создающие устойчивые рекуррентные пары. Ядерные средства выражения контраста обнаруживают сходство в русской и литовской паремике. Ближняя периферия, включающая оппозиции гипонимов и гиперонимов, контекстуальные антонимы, наиболее структурирована в русском языке, частотной является оппозиция *свой / чужой*. Дальняя периферия, представляющая контрастирующие словосочетания, межчастеречные антонимы, характеризуется большим разнообразием средств в литовском языке, частотны оппозиции с контрастирующими словосочетаниями. Крайняя периферия представлена в русском языке преимущественно грамматическими оппозициями «приставочный глагол / бесприставочный глагол», степеней сравнения прилагательных, в литовском языке – оппозициями «глагол без отрицания / глагол с отрицанием», предложно-падежных форм.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования представлены в виде докладов на международных, всероссийских и региональных научных конференциях: «Вопросы научного образования по гуманитарным, социальным и психологическим специальностям» (Москва, 2011), «Перспективы развития современной филологии» (Санкт-Петербург, 2011), Четвертой Всероссийской научной конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры (Коломна, 2012), «Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии» (Москва, 2013), «Балтийские языки и литературы в истории и в современном мире» (Москва, Вильнюс, 2013); на ежегодных внутривузовских конференциях (Волгоград, 2011–2014 гг). По теме диссертации опубликовано 11 работ объемом 3,4 п.л., в том числе 3 статьи – в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России.

Структура работы. Диссертация включает введение, две главы, заключение и список использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава «Проблемы паремиологии в аспекте языковой картины мира» содержит теоретические основания проводимого исследования.

Приводятся различные толкования терминов *пословица*, *поговорка*, *паремия*. Термин *паремия* рассматривается в качестве родового наименования, пословицы и поговорки являются единицами паремиологического пространства.

Русская паремиология имеет достаточно длительную историю изучения, в центре внимания отечественных ученых находились проблемы систематизации паремий (Пермяков 1988; Сидоркова 1999 и др.), рассмотрение паремий в аспекте взаимодействия языка и культуры (Мокиенко 2005; Савенкова 2002 и др.). Интенсивное развитие литовской паремиологии начинается с середины 60-х годов XX в., что связано с трудами К. Григаса.

Для современного этапа развития языкознания характерно тесное взаимодействие лингвокультурологии, этнолингвистики, лексикологии. В связи с этим в науке определился взгляд на паремии как на единицы, выражающие аккумулированное знание и отражающие этнокультурные традиции и мировоззрение народа (Добровольский 1990; Никитина 1993; Путилов 1994; Толстой 1995; Артеменко 2003; Алефиренко 2005; Милованова 2007; Баранов 2008 и др.).

Фактографический материал русского и литовского языков разбит в работе на семантические группы, построенные на антиномических отношениях и ценностных ориентирах, исходя из репрезентации в их семантике лингвокультурных антиномий. Паремии, представленные в исследуемом материале, выступают как нормативно-оценочные категории, которые в сентенционной форме отражают критерии морали и нравственные

установки народов. При этом, как показывает анализ, в поговорках содержится антиномия, т.е. присутствует или подразумевается контраст, указывается на наличие конфликта или на его разрешение.

Аналізу подверглись следующие лингвокультурные антиномии: «ум – глупость», «счастье – несчастье», «храбрость – трусость», «добро – зло», «правда – ложь», «любовь – ненависть», «щедрость – жадность», «богатство – бедность», «трезвость – пьянство», «дружба – вражда», «труд – безделье», «родители – дети», «женщина – мужчина». Приведенные семантические бинарные оппозиции широко представлены в русском и литовском паремическом фонде. Каждая группа оппозиций репрезентирует реалии окружающего мира и в то же время является одной из определяющих категорий человеческого сознания. Данные антиномии универсальны для разных культур и отражают мировосприятие определенного этноса.

Лингвокультурные антиномии могут быть представлены в виде иерархической структуры как бинорма, включающего в себя мономы и субмономы. Моном (греч. от *monos* один и *nomos* член) в нашем представлении – это структурный компонент, репрезентирующий определенную полярную антиномичную характеристику в рамках соответствующего бинорма. Моном, в свою очередь, представлен субмономами, конкретизирующими данную характеристику. Состав субмономов варьируется в рамках различных антиномий. Исходя из языкового материала, субмономы могут быть систематизированы с точки зрения квалификации сущностных признаков лингвокультурных антиномий следующим образом: выделяются качественные, количественные, поведенческие, аддитивные, экзистенциальные, результирующие, аксиологические, акциональные, реляционные субмономы.

Во второй главе «Структурно-семантическая характеристика поговорок» рассматриваются особенности репрезентации установленной бинормальной структуры лингвокультурных антиномий в семантике поговорок русского и английского языков.

Поговорки, иллюстрирующие бинорм «ум – глупость», характеризуют интеллектуальные возможности человека, отражают столкновение представлений об уме и глупости, определенных стереотипов мышления и поведения. Ключевыми лексемами-репрезентантами являются *ум, умный, protas, protingas* – глупость, глупый, дурак, *kvailus, kvailumas, durnius, žioplas*. Содержательный минимум оппозиции имеет значение «обладающий высокой / ограниченной способностью думать и понимать».

Особенностью фактического материала является следующая закономерность: в семантике одной поговорочной единицы могут быть вербализованы два монома в рамках бинормальной оппозиции, либо каждый моном представлен отдельной единицей. Структура данной лингвокультурной антиномии представлена мономами «ум» и «глупость», которые репрезентируются определенными группами субмономов (далее СМ).

В рамках монома «ум» преобладающей группой являются конкретизирующие данный моном качественные субмономы, в состав которых включаются следующие: СМ «**значимость**»: *В учении не мног, да в разуме тверд; Голова без ума, что фонарь без свечи; Gilus protas, nors žmogus kuprotas* (Сам горбат, а ум глубокий); *Paukštį plunksnos gražina, o žmogų protas* (Птицу перья украшают, а человека – ум). В русском языке подчеркивается, что ум выше образованности, в литовском акцентируется, что ум важнее физической красоты; СМ «**практичность**»: *Мужик умен – пить волен; мужик глуп – пропьет и тулун; Kitų klausyk, ale savo protą turėk* (Других слушай, а ум свой имей); *Reikia dirbti su protu, ne su jėga* (Надо работать умом, а не силой); СМ «**лукавость**» (репрезентирует признаки изворотливого ума, лукавства, житейской хитрости): *Лиса семерых волков проведёт; Кто прост – тому бобровый хвост, а кто хитёр – тому весь бобёр; Gudrus visados turi tinkamą atsakymą* (У хитрого всегда есть нужный ответ).

Данный моном конкретизируют также аддитивные субмономы, указывающие на связь обозначаемого данным мономом понятия с другими: СМ «**ум и материальное благополучие**», СМ «**ум и возраст**»; квантитативный субмоном (количественные характеристики конкретизируемого понятия): «**переизбыток ума**». В литовском фонде паремий отмечен национально-культурный СМ «**недостаток ума**» (выражается через сопоставление с незрелым существом либо с определенными видами птиц): *Tiek proto, kiek pas mažą vaiką* (Столько ума, сколько у ребенка); *Tiek proto, kiek gaidžio kojų mėsos* (Столько ума, сколько мяса в петушиной ноге).

Моном «**глупость**» репрезентируют СМ: экзистенциальный «природная глупость»: *Глупого бранят, а он говорит: «К обеду звонят»;* *Beproči kaip neaprėdytum, vis bus beprotis* (Безумный всегда остается безумцем). В рамках данного субмонома в литовском языке отмечена следующая национально-культурная особенность. Глупый человек представлен в литовских паремиях чаще всего как человек, лишенный разума: *Du kvaili, trečias – be proto* (Два глупца, третий – без ума), частотно сравнение *ум – свинья*, что создает ироничный смысл и подчеркивает полное отсутствие разума: *Protingas – kaip kiaulė išmintinga* (Умен как мудрая свинья); *Protingas kaip Svirnelio kiaulė* (Умен как свинья Свирнялиса).

Выделяются также поведенческие субмономы (конкретизируют особенности поведения одушевленного субъекта): «**неразумное поведение**», аддитивные: «**глупость и возраст**»; в русской лингвокультуре глупость не связывается напрямую с возрастом: *Вырасти вырос, а ума не вынес; Во всех годах, да не во всех умах*. В литовской лингвокультуре глупость, как правило, является характеристикой немолодых людей: *Jauni šoka iš smagumo, seniai – iš durnumo* (Молодые пляшут от радости, старики – от глупости); *Galvon žilumas, uodegon durnumas* (В голову седина, в хвост – глупость).

В рамках монома «глупость» выделены национально-специфичные результирующие субмономы, в какой-то степени противоречащие друг другу

с точки зрения выражаемого аксиологического оттенка, что свидетельствует о многообразии русской наивной картины мира: СМ «**опасность глупости**»: *Не дай бог с дураком связаться*; СМ «**оправдание глупости**»: *Много думать – голову кружить*.

Фактический материал русского языка позволил нам в рамках монома «глупость» выделить национально-культурный субмоном «**дурак**», который можно включить в группу аксиологических субмономов: *Дурак времени не знает; Дурак божьих дней не разбирает; Дураку закон не писан* и др. Дурак, с точки зрения русской лингвокультуры, не тот, кому недостает ума, а тот, кто в своем поведении отклоняется от привычных норм. При этом паремии могут выражать положительную оценку: *Дураку везде счастье; Умный сам по себе, а дураку бог на помощь*. В рамках данного субмонома прослеживается связь с мономом «ум», в частности дурак может оказаться умнее умного: *Дурак завяжет – и умный не развяжет; Один дурак, а умных пятерых ссорит*.

Выявленные антиномичные характеристики находят выражение и в семантике языковых средств, входящих в паремии. Большая часть исследованных русских и литовских паремий построена на принципе контраста. Сравнительный анализ паремий позволил выделить лексические, грамматические и лексико-грамматические средства выражения контраста, которые классифицированы с точки зрения полевого принципа на ядерные и периферийные. В состав ядра мы включаем наиболее репрезентативные средства выражения контраста, представленные абсолютными, или неизменяемыми и производными, антонимами, которые являются таковыми в любом контексте и поэтому могут рассматриваться в качестве узусных, или языковых. Остальные антонимы относятся нами к периферии. В целом их можно определить как контекстуальные (оказиональные) антонимы.

Ядро поля контраста образуют различные части речи, которые могут организовывать рекуррентные пары, весьма разнообразные по семантике. Среди них выделяются антонимы, обозначающие положительные и отрицательные свойства оппозиции, физические и моральные качества, возраст, размер, длину и т.д.: *Промеж дурных и хорошему плохо; Kaip senas gaidys gieda, taip jaunas išmoksta* (Когда старый петух поет – молодой учится).

Периферия поля контраста русских и литовских паремий, в отличие от ядра, характеризуется большим разнообразием типов контрастирующих компонентов и меньшей степенью однородности. Выделяется периферия ближняя, дальняя и крайняя. Ближнюю периферию представляют преимущественно слова-гипонимы, выражающие видовые понятия по отношению к родовому понятию-гиперониму и являющиеся согипонимами по отношению друг к другу. Они могут контрастировать по ценности / значимости, характеру взаимоотношений и другим свойствам. Например, наименования живых существ, метафорически обозначающих ум и глупость, как контрастные единицы представлены в паремиях обоих языков: *Поехал за море теленком, воротился бычком; Didelis kaip jautis, durnas kaip avinas* (Большой как **бык**, дурной как **баран**).

Дальняя периферия включает контрастирующие сочетания слов: *У людей и дураки – вишь ты каки; а наши дураки – невесть каки; Бывают дураки средней руки, а наши дураки последней руки; Vienas vaikas širdį ramina, o kitas protą pagadina* (Один ребенок сердце успокаивает, а другой ум портит).

В область крайней периферии мы включаем грамматические оппозиции (наклонение и время глагола, степени сравнения прилагательных и наречий, падежные формы имен существительных и др.): *Видит око далеко, а ум еще дальше; Не дал бог ума, найдется сума; Jau kad Dievas razymo nedavė, tai ir bizūnas nebepridės* (Если Бог ума не дал, то и кнут не добавит).

Бином «труд – безделье» включает два монома. **Моном «труд»** представлен группами субмономов, конкретизирующими характеристики человека, выполняющего напряженную (обычно физическую) работу. Выделяются акциональные субмономы, конкретизирующие специфику труда как деятельности: СМ «**деятельность**», включающий в себя признаки тяжелого, длительного, монотонного, бессмысленного или, наоборот, наполненного практическим смыслом труда: *Двое пахут, а семеро руками машут; Девушка Гагула села прясть, да и заснула; Giliau arsi – gardesnę duoną valgysi* (Глубже вспашешь – вкуснее хлеб поешь); СМ «**усилия**»: *Бобы не грибы: не посеяв, не взойдут; Be darbo – ilgu, su darbu – sunku* (Без работы долго, с работой трудно); СМ «**подневольная деятельность**» (большая часть паремий связана с реалиями XIX в.): *Нужда учит, а барщина мучит; Dvaro darbu būsi kuprotas, bet ne pilvotas* (От дворовой работы будешь горбатым, а не пузатым). Субмоном «**результативность**» указывает на признаки эффективного, результативного или малоэффективного, напрасного труда.

Моном «безделье» конкретизируют качественные, экзистенциальные и аксиологические субмономы. Широко представлен качественный СМ «**лень**»: *Ему дай яичко, да еще и облупленное; Словами туда и сюда, а делом никуда; Tinginiui tarė uždaryk duris, o jis atsakė papūs vėjas* (Сказали лентяю дверь закрыть, а он – «ветер подует»); *Tinginys ir kelią koja rodo* (Лентяй и дорогу ногой показывает). Экзистенциальный СМ «**пробывание в праздности**» указывает на различные проявления состояния *ничегониделания* – бездельники предпочитают труду сон и еду, бездельники живут за счет чужих трудов и т.д.

Ядерными средствами выражения контраста являются: *труд* (дело, работа) – *безделье* (лень, лень): *Работа с зубами, а лень с языком; Darbas – ne vargas, tinginystė – ne laimė* (Труд – не беда, безделье – не горе); *работник* – *бездельник* (лентяй), данная пара антонимов характерна прежде всего для паремий литовского языка: *Darbininkai – už darbo, tinginiai – už šaukšto* (Работники – за дело, бездельники – за ложку); антонимы *день* – *ночь*, *плохой* – *хороший*, *белый* – *черный*, *бог* – *черт*. Ближняя периферия включает метафорические обозначения человека-деятеля (чаще в образе пчелы, муравья) и человека-лентяя, его действий, ассоциативные ряды (времена года, время суток); контекстуальные антонимы со значением

контрастирующего качества, действия, количества. Дальняя периферия представлена контрастирующими сочетаниями: *Работа молчит, а плеча крихтят; Dirbk, kad akys lįstu, ėsk, kad pilvas plyštų* (Работай, чтобы глаза вылазили, ешь, чтобы брюхо лопалось). Крайняя периферия представлена немногочисленно.

Бином «счастье – несчастье» широко представлен в фонде русских и литовских паремий, при этом носителями как русского, так и литовского языка счастье и несчастье понимаются как элементы неразрывного целого: *Счастье с несчастьем двор обо двор живут (в одних санях ездят); Skausmo peragavęs, laimės neražinsi* (Не попробовав боли, не узнаешь счастья).

Моном «счастье» представлен количественным СМ «**достаток**»: *Кто запаслив, тот и счастлив; Тот счастлив, у кого есть хлеба с души, платье с тушу, денег с нужу; Kad bagočiui tai ir sekasi* (Кому и везет, как не богатому), в составе русских паремий отмечены единицы противоположной направленности, не связывающие счастье с достатком, напротив, подчеркивающие, что деньги и богатство не делают их обладателя счастливым: *Не в деньгах счастье; Счастье не в кошельке, счастье в руках*. К результирующим СМ относим «**результат усилий**» (наибольшая номинативная плотность в рамках монома): *Счастье у каждого под мозолями лежат; Nė tas laimingas, kurs karvę už ragų laiko, bet tasai, kurs ją melžia* (Не тот счастлив, кто корову за рога держит, но тот, кто ее доит); СМ «**удача**»: *Со счастьем на клад набредешь, без счастья и гриба не найдешь; Gimsta laimingas, o ne turtingas* (Рождается счастливый, а не богатый); СМ «**случайность**» репрезентирует признаки ненадежности, непредсказуемости, выражен в семантике паремий обоих языков. Аддитивные субмономы включают «счастье и ум», «счастье и радость (горе)».

Моном «несчастье» представлен результирующими и экзистенциальными субмономами. Результирующий СМ «**стечение обстоятельств**» конкретизирует такие характеристики, как *несчастный случай, обстоятельство, вызывающее глубокое душевное страдание*. Экзистенциальные СМ: «**страдание**»: *Горькому Кузеньке горькая и песенка; Verksmi, keiksmi dalios nerapirksi* (Плачем, стопами доли не исправишь); «**тяжелая судьба**»: *Таков наш рок, что вилами в бок; Nelaimė ir lovoj gulint ateina* (Несчастье и лежащего в кровати найдет).

Ядро поля контраста многочисленно представлено абсолютными антонимами с разнообразными отношениями компонентов: пространственные отношения, разнонаправленные действия, противоположные качества. В состав ближней периферии включаются контекстуальные антонимы, обозначающие временной контраст (*день – час, сегодня – завтра* и др.), лиц мужского – женского пола, наименования металла и др. Дальняя периферия поля контраста преимущественно представлена контрастирующими словосочетаниями: *Laimingesnis tas, kuriam pavydi negu tas, kurio gailis* (Более счастлив тот, которому завидуют, нежели тот, кого жалеют). Крайняя периферия в русском языке представлена

противопоставлением исходного приставочного глагола и образованного от него приставочного: *Либо деньги дадут, либо в рыло поддадут*. В литовском отмечено противопоставление *деепричастие – глагол*: *Laimei einant, užmigęs buvau* (Идя за счастьем, спал).

Бином «любовь – ненависть». В рассмотренном фонде паремий наибольшую вербализацию получает моном «любовь», который репрезентируется достаточно разнообразными группами субмономов: аксиологические («благо»), качественные («неподконтрольность»), экзистенциальные («страдание»). В состав поведенческих субмономов включается СМ «приятие». Особо хотелось бы отметить культурную специфичность данного СМ, который широко репрезентирован в русском языке, что, безусловно, связано с такими признаками русской ментальности, как терпение и сочувствие, снисходительность к слабостям и недостаткам предмета любви, готовность прощать: *Оттого терплю, что больше всех люблю*.

В составе национально-культурных субмономов в русском языке выделен СМ «разлука», в русском менталитете любовь тесно связана не только со страданием, но и с разлукой, которой она проверяется и которая является её непременным атрибутом: *Милый далеко – сердцу не легко; Без тебя, мой друг, постель холодна, одеялочко заиндевело*. В литовском – СМ «быстротечность»: *Pirma viedrais meilę mieravo, o ant galo šaukštais* (Сначала любовь мерил ведрами, а потом – ложками); *Karšta meilė greitai sudega* (Горячая любовь быстро сгорает).

Моном «ненависть» репрезентируют экзистенциальные субмономы: СМ «**неявная нелюбовь**» (в большей степени представлен в системе русских паремий, его репрезентация сопровождается ироничной окраской): *Любит и волк овцу; Его милее нет, когда он уйдет; Myli kaip šunys čigona* (Любит как пес цыгана); СМ «**явная нелюбовь**»: *Противна, как нищему гривна; Jei kuris žmogus nepatinka, tai ir jo kvapas smirda* (Если человек не нравится, то и его запах воняет); СМ «**отсутствие любви**»: *Хоть не люби, только почаще взглядывай; Akelės nori, širdelė nepriima* (Глазки хотят, сердечко не принимает).

Ядро поля контраста в данных паремиях представлено в основном антонимичными единицами, обозначающими положительные и отрицательные признаки понятий, время, контрастирующие качества, противоположные действия, возраст, место и т.д.: *Поутру был хорош, а ввечеру стал непригож; Pradžioj meiliai, paskui peiliai* (Вначале любовь, потом – ножи). Ближнюю периферию контраста активно формируют оппозиции гипонимов и гиперонимов со значением *названия живых существ*: *Полюбитя сова лучше ясного сокола; Meilinasi kaip laputė, o kanda kaip šuva* (Милуется, как лисичка, а кусает, как собака). В литовской паремике отмечена частотная антонимия лексем со значениями *meilė/любовь* и *baimė/страх*. Дальняя периферия представлена немногочисленно. В области крайней периферии в русском языке распространены

грамматические оппозиции по степени сравнения: *Любить тяжело; не любить тяжелее того*; оппозиции приставочный и бесприставочный глагол: *Не видишь – так сердце рвет, увидишь – с души прет*. Литовские паремии демонстрируют другие оппозиции – предложно-падежных форм: *Kai be marškinių, tai meilė, o su marškiniiais – tai šalta* (Без рубашки любовь, а с рубашкой – холодно).

Бином «богатство – бедность» широко представлен в системе русской и литовской паремии, что определяет его релевантность. Моном «богатство» репрезентируют паремии с положительным и отрицательным оценочным значением, позитивным и негативным отношением к материальному достатку и его обладателю. Внутри монома выделены аксиологические субмономы («аморальность», «труднодостижимость»), качественные («ценность»). Реляционные субмономы представлены противоположно направленными структурными единицами – с одной стороны, выделяется СМ «социальный успех»: *За свой грош – везде хорош; Kol turtingas ir draugų daug* (Пока богат, и друзей много). С другой стороны, отмечен противоположный по семантике субмоном «неуважительное отношение», который не вербализован широко в семантике паремий. Аддитивный СМ «богатство и ум» репрезентирует разнонаправленные признаки: положительного оценочного отношения к материально благополучному человеку как человеку умному, а также признаки отрицательного отношения – богатство зачастую достается не по заслугам и не по уму. Семантика *ум как условие достатка* одинаково активно представлена в русской и литовской паремии. В литовском языке частотно противопоставление ума богатству: *Geriau būti protingam, nekaip turtingam* (Лучше быть умным, чем богатым).

В паремиологическом фонде литовского языка выделены национально-культурные субмономы – реляционный СМ «богатство священника», который вербализирует оттенок осуждения несправедного поведения представителей церкви: *Kunigas apie dangų bliuana, o pats žemės turtus krauna* (Священник блеет о небе, а сам богатства земли грузит); результирующий СМ «наивысшие возможности» отражает возможность исполнения всех желаний у богатых людей благодаря воле Божьей: *Bagotam pinigai iš dangaus krinta* (Богачу деньги с неба падают).

Моном «бедность» представлен экзистенциальными субмономами («отсутствие средств», «несчастье»), аддитивными («бедность и ум», «бедность и вера»), реляционными («неуважение»). Аксиологический субмоном «положительное качество» выражает оправдание отсутствия материального достатка, подчеркивает положительные человеческие качества бедняка: *Шуба овечья, зато душа человечья*.

Национально-специфичным в русском языке является СМ «бедность и семья»: *Бедному жениться – и ночь коротка*, а с другой стороны: *С милым и рай в шалаше*. Особенностью представленности монома «бедность» в русской паремии является его яркая метафоричность, что позволило нам

выделить национально-культурные ассоциативные субмономы: СМ «зоосемантический, природный образ» репрезентирует ассоциативную связь бедности с картинками животного мира и свидетельствует о преобладании в русской лингвокультуре крестьянского взгляда на окружающий мир: *Бедный в нужде – как жаба в луже; Легко псу, да несытно; Небо в тумане, земля в обмане, пусто в кармане.*

Ядерные средства антонимии в данной группе паремий включают прежде всего оппозиции ключевых слов. В рамках ближней периферии национально-специфическим для русских паремий является наличие контрастирующих имен собственных и лексем со значением части и целого, для литовских – противопоставление лексем *žmona, pati/жена* и *sesuo/сестра*. Дальняя периферия антонимии широко представлена в обоих языках межчастеречными антонимами и контрастирующими сочетаниями слов. Крайняя периферия контраста богаче представлена в русской паремике: выявлено наличие оппозиции степеней сравнения, глагольных оппозиций; в литовской паремике отмечены оппозиции *глагол – НЕ+ глагол*.

Лингвокультурная антиномия «**дружба – вражда**» активно выражена в русских и литовских паремиях. Моном «**дружба**» репрезентируют следующие субмономы: квалитативные («значимость», «мнимость», «трудности»), результирующие («результат опыта»), реляционные («родственные отношения»). В процессе репрезентации последнего субмонома отмечена следующая закономерность – в русских паремиях выражена положительная окраска называемых межличностных отношений: *Друзья прямые – братья родные; Кто друг прямой, тот брат родной*. В литовских паремиях наряду с положительной отмечена также и негативная коннотация: *Artimas draugas už tolimą giminę geresnis* (Близкий друг лучше дальнего родственника). Аддитивный субмоном «**дружба и богатство**» репрезентирует такие возможные характеристики дружбы, как признаки корыстного поведения, влияние денег (часто отрицательное) на дружбу: *Богач друга не узнает; Draugai, kol atskirai pinigai* (Друзья пока отдельно деньги). Однако в группе русских паремий зафиксированы также примеры со значением *дружба сильнее денег*: *Друг денег дороже; Друга на деньги не купишь*. В составе литовских паремий отмечен национально-культурный субмоном «**дружба и молодость**»: *Jaunystė – draugystė, senatvė – vienatvė* (Молодость – дружба, старость – одиночество).

Внутри монома «**вражда**» выделены реляционные субмономы («неприятные отношения», обладает наибольшей номинативной плотностью в сравниваемых языках), поведенческие («враждебное поведение»), результирующие («опасность»). Выделен особый аксиологический СМ, отражающий стереотипные представления о людях другой национальности, – «**этническая вражда**». В русском языке в паремиях обычно содержится противопоставление русских другим этносам, чаще всего образ русского оценивается положительно: *Что русскому здорово, то немцу смерть; Русский немцу задал перцу*. Литовские паремии могут

также осуждать представителя другой национальности: *Cigonas apvogš, o žydą apgaus* (Цыган украдет, а еврей обманет), однако могут и, напротив, осуждать литовца: *Skundžiasi kaip lietuvį, vokiško bato paragavęs* (Жалуется, как литовец, попробовавший немецкий ботинок). Моном «вражда» более детально структурирован в литовском языке.

Ядерные средства выражения контраста в данной группе паремий обнаруживают сходства. Выделены специфичные периферийные средства выражения контраста в семантике русских паремий, в частности оппозиция лексем-гипонимов, названий живых существ (наиболее продуктивна пара *собака – волк*); антонимия разных частей речи (опозиционная пара *свой – чужой*), в литовском языке – оппозиции с количественным значением (числительные *сто – один*), контрастирующих словосочетаний.

Лингвокультурная антиномия «**щедрость – жадность**», представленная русскими и литовскими паремиями, вербализирует черты характера человека, связывая их прежде всего с нравственными и религиозными ценностями социума. В силу специфики рассматриваемой антиномии, носящей ярко оценочный характер, выделяемые мономы выражают качественные субмономы. Внутри **монома «щедрость»** выделены следующие качественные субмономы: «**хлебосольство**» (широко представлен в русских паремиях): *Что есть в печи, все на стол мечи; Всем подноси, никого не обноси*; «гостеприимность» (отражает наличие / отсутствие свойства быть радушным хозяином): *Гость на гостя – хозяину радость; Зови гостей меньше, так хлеба будет больше; Kai svečias ateina, ne laikas grindis šluoti* (Когда приходит гость, не время мыть пол); «**милосердие**», «**расточительность**».

В русском языке выделены национально-культурные СМ: «**ложная щедрость**» (отражает показную, неискреннюю щедрость): *Вот тебе, боже, что нам негоже* – и «**нежадность**» (паремии указывают на взаимосвязь материального достатка и готовности им поделиться): *Кто широко живет, тот не запирает ворот*. В литовском языке отмечен аксиологический субмоном «**положительное качество**»: *Jei nebūsi dosnus, nebūsi pagarbintas* (Если не будешь щедрым, не будешь уважаемым).

Моном «жадность» репрезентируют качественные субмономы («материальная жадность», «пагубность», «жадность к еде», «скупость», зависть»). В паремиях русского языка нами выделено два национально-культурных субмонома: СМ «**безграничная жадность**»: *Жадному все мало; Есть много, а хочется больше* – и результирующий СМ «**страдание**»: *Горько есть, да жаль покинуть*.

В качестве ядерных компонентов контраста в данной группе паремий продуктивны антонимические пары субстантивных имен прилагательных, других частей речи. Ближняя периферия наиболее полно структурирована в русском языке, дальняя – в литовском. В рамках периферии в обоих языках выделены контекстуальные антонимы: существительные (в том числе наименования частей тела или живых существ), числительные,

субстантивные прилагательные со значением *черты характера и материальный достаток*, глаголы со значением противоположных действий, местоимения *кто – тот*, межчастеречные антонимы, контрастирующие сочетания слов, оппозиции глагольных форм. Частотными для русских паремий являются оппозиции *свой / чужой* (*Не столько смущает свой убыток, сколько чужой прибыль*), степеней сравнения прилагательных (*Дай бог много, а захочется и побольше*).

Бином «храбрость – трусость» широко представлен в русском и литовском языках. Моном «храбрость» включает качественные СМ «сомнительная храбрость»: *Хорошо медведя в окно дразнить! Ir gaidys savo kieme drąsus* (И петух на своем дворе смелый), «показная храбрость», поведенческий СМ «смелость в поступках»: *Кто смел, тот и съел; Drąsiai bandyta yra pusė laimėta* (Смелая попытка – половина успеха), аксиологический СМ «положительное качество». В русском языке выявлен национально-культурный СМ «бесшабашность», репрезентирующий признаки храбрости как эмоционального порыва, при этом человек ведет себя смело, потому что часто не осознает степени опасности: *Валяй, не гляди, что будет впереди; Либо в стремя ногой, либо в пень головой*.

Внутри монома «трусость» выделен результирующий СМ «страх, боязнь», репрезентирующий эмоции, возникающие в результате опасности и провоцирующие трусливое поведение: *Хуже, как боишься: лиха не минешь, а только надрожишься; Ne iš meilės, o iš baimėsėjo ožka šokti su vilku* (Не от любви, а от страха шла коза танцевать с волком); поведенческий СМ «трусливое поведение»: *Прячется (Хоронится) малый за старого, старый за малого; Bailus pelę sutiko, o vilką pamatė* (Трус встретил мышь, а увидел волка).

В состав национально-культурных субмономов в русском языке мы включаем СМ «допустимость», указывающий на возможность оправдания человека, совершившего трусливый поступок: *Лучше бояться, чем не бояться*; в литовском языке – СМ «последствия трусости» (указывает на негативные последствия трусливого поведения прежде всего для самого труса): *Kas nuo baimės bėga, tas į duobę įpuola* (Кто от страха бежит, тот в яму упадет).

Ядерные средства выражения контраста в русском фонде паремий данной группы более многочисленны, чем в литовском. Ближняя периферия более разнообразна с точки зрения выражения контраста в русском языке: противопоставление единиц, номинирующих части тела человека и продукты питания, компонентов со значением *человек, вещество, материал, предмет, место*. Средства крайней периферии немногочисленны: представлены в русских паремиях глагольными грамматическими оппозициями (приставочный – приставочный глагол), в литовском языке оппозицией глагол с отрицанием – глагол без отрицания (*Drąsus nenugalės, bailus apkalbės* (Смелый не победит – трусливый оговорит)).

Ключевыми лексемами в рамках **бинома «добро – зло»** являются *добро, добрый, / gerumas; geras – зло, злой, плохой, лихо, худо/ blogis, blogumas, blogas, piktas*. Среди литовских паремий выявлена группа, построенная на контрасте *сделал добро – получил зло*; данная семантическая оппозиция не выявлена в рассматриваемом русском фонде: *Jei kam gera padarei, klausk, kada jis tau blogo padarys* (Если кому добро сделал, спроси, когда он тебе сделает зло).

Моном «добро» конкретизируют качественные («добрый характер», «добро – Бог»), акциональные («добрая деятельность»), результирующие («польза»), реляционные субмономы. В русском языке к национально-культурному субмоному относим реляционный СМ **«добрые отношения»** – *Доброму добрая память*, в литовском языке – результирующий СМ **«выгода»** (конкретизирует такие проявления добра, как расчетливость и корысть человека, направляющего свои добрые поступки на получение личной выгоды): *Su gerumi nuo žmogaus paskutines kelnes gali nuvilkti* (Добром с человека последние штаны можно снять). Анализ фактического материала показал, что моном «добро» значительно шире представлен русской паремикой.

Внутри **монома «зло»** выделены *качественные* СМ **«злой характер»**: *Злой человек не проживет в добре век, Piktos akys pikta mato, piktos ausys piktai girdi* (Злые глаза видят зло, злые уши зло слышат), **«зло – дьявол»**: *У него черт в подкладке, сатана в заплатке*; акциональные СМ: **«намерение причинения вреда»**: *Он тебя и в ложке утопит*, **«предостережение»**: *Зла за зло не воздай; Nelinkėk kitam blogo, nes pačiam taip gali atsitikti* (Не желай другому зла, и с тобой это может случиться).

Ядро контраста образуется парами узуальных антонимов (ключевые слова и т.д.). Ближняя периферия поля контраста в русских паремиях богаче репрезентантами, например, противопоставления *Бог – человек* или *черт – человек*. Дальняя периферия, представленная межчастеречными антонимами, в данной группе паремий менее продуктивна, выделена характерная для русских паремий оппозиция *свой – чужой*. Крайняя периферия также немногочисленна.

Бином «правда – ложь». Внутри рассматриваемой оппозиции отмечены многочисленные паремии с противоположной семантикой, декларирующие разные жизненные позиции. Так, у русской паремии *Лучше горькая правда, чем сладкая ложь* существует менее популярная оппозиция: *Сладкая ложь лучше горькой правды*. Аналогично и в литовском языке: *Duoną druską valgyk ir liežuvį valdyk* (Хлеб-соль ешь, и язык придерживай) – *Duoną druską ėsk, teisybę į akis režk* (Хлеб-соль ешь – правду в глаза режь).

Моном «правда» репрезентируют качественные СМ «истина», «жизненные трудности», «опасность»; экзистенциальные СМ «необходимость», «отсутствие (на земле)», поведенческий СМ «норма поведения». Нами выделены национально-специфичные субмономы в русском языке: качественный СМ **«божественная правда»** (правда

соотносится с Богом, Бог помогает тому, кто живет по правде): – *Кто правду хранит, того Бог наградит; Правда груба, да богу любя –* и акциональный СМ «**принуждение к правде**» (связан с историческими реалиями средневековой Руси): *Не скажешь подлинную, так скажешь подноготную; За ушко да и на солнышко*. В литовском языке выделен национально-культурный квалитативный СМ «недейственность правды», репрезентирующий ситуации, когда правды бывает недостаточно, она однобока, ее мало, она существует не для всех: *Yra pasauly teisybė, bet kad akla* (В мире есть правда, но слепая).

В рамках **монома «ложь»** выделены квалитативные СМ «**грех**», «**недолговечность**», аддитивный СМ «**ложь и воровство**», поведенческий СМ «**лживое поведение**». Наиболее широко представлен в паремике обоих языков результирующий СМ «**опасность лжи**»: *Вчера солгал, а сегодня лгуном обзывают; Melagiui ir tiesą sakant niekas netiki* (Лгуну никто не верит, даже когда тот говорит правду). Экзистенциальный СМ «**образ жизни**» находит различное выражение в семантике русских и литовских паремий. В русском языке ложь может быть представлена как реальность, часть жизни, без которой трудно прожить, ведь она может стать основой материального достатка: *Не солгать, так не продать*, либо указывается на распространение обмана среди представителей различных профессий и ремесел: *Мастеровой не худ, да в душе плут; Приказчик – грош в ящик, пятак за сапог*. В отличие от русских паремий, литовские эксплицируют национальную специфику лжи, давая нелестную характеристику другим народам, живущим на территории Литвы: *Cigono amatas meluoti* (Ремесло цыгана – врать); *Šią gadynę pas žydą ir čigoną teisy bėrasi* (В наше время у еврея и цыгана правды не найдёшь).

Широко представлены паремии, построенные на приеме метафоры, что позволило выделить отдельный ассоциативный СМ «зоосемантический образ», лгун, обманщик в русских паремиях сравнивается с лисой, гусем, волком. Большая группа литовских паремий рассматриваемой семантической оппозиции сходна по структуре и построена на сравнении лисы с другими животными: *Лиса врет, на свой хвост шлет, да оба изверились; Akyse lapė, už akių šernas* (В глаза – лиса, за глаза – кабан).

В русском языке выделены национально-культурные СМ – аксиологический «**легкость**»: *Солгать, что облупленное яичко съесть*; аддитивный «**ложь и бедность**»: *Не я лгу, мошна лжет*.

Ядро антонимии в обоих языках активно представлено узуальными антонимами. Контекстуальные антонимы, образующие ближнюю периферию, многочисленны и разнообразны в паремиях обоих языков. Дальняя периферия поля контраста наиболее активно репрезентирована литовскими паремиями (контрастирующие сочетания слов): *Neteisybės pilnas pasaulis, o teisybės reikia su žiburiu ieškoti* (Неправды **полон мир**, а правду надо **искать с фонарем**). Крайняя периферия представлена преимущественно оппозициями степеней сравнения (русский язык), предложно-падежных форм (литовский язык).

Следует отметить асимметричность структуры **бинома** «**трезвость – пьянство**», поскольку моном «трезвость» обладает меньшей номинативной плотностью и выражен незначительным фондом паремий русского и литовского языков, в отличие от монома «пьянство», который подробно квалифицирован в обоих лингвокультурах. Внутри **монома** «**трезвость**» выделены два субмонома: аксиологический СМ «**позитивное отношение**» (преимущественно в русских паремиях): *Лучше пряничать (быть сластоежкой), чем бражничать; Не пьет, а с добрыми людьми знается* – и экзистенциальный СМ «**сложности трезвой жизни**» (преимущественно в литовских паремиях): *Blaivus tarp girtų kaip žąsinas tarp kiaulių* (Трезвый среди пьяных, как гусак среди свиней).

Моном «**пьянство**» включает в обоих языках поведенческие СМ «женское пьянство», «пьяное поведение», «обычность пьянства», аддитивные СМ «пьянство и бедность», «пьянство и глупость», «пьянство и семья». В рамках последнего в литовском языке отмечены паремии, содержащие советы жене по поведению с пьяным мужем: *Girtam pamokslų nesakyk, bet geriau lovon paguldyk* (Пьяному нравоучений не читай, лучше в кровать положи). В группе аксиологических СМ выделены разнонаправленные СМ «негативное качество»: *Хмель не вода – человеку беда; Girtybė – bėdų daugybė* (Пьянство – много бед) и «положительное качество»: *Не пить, так на свете не жить; Girtas vargus pamiršta* (Пьяный беды забывает). Результирующий СМ «последствия» репрезентирует результаты вредной привычки прежде всего для самого пьющего человека: *Стаканчики да рюмочки доведут до сумочки*. Квалитативный СМ «грех» отражает христианские взгляды на чрезмерное употребление алкоголя.

Ядро антонимии представлено разнообразными по семантике рекуррентными парами узуальных антонимов: *Чего **трезвый** не скажет, то **пьяный** развяжет; Blaivus nesurasi, ką girtas pamesi* (**Трезвый** не найдешь, что **пьяный** потерял). Ближнюю периферию контраста литовских паремий активно представляют оппозиции названий живых существ, лексем со значениями «жидкость» и «водоем». В массиве русских паремий наблюдаем оппозиции имен существительных и глаголов, наименований продуктов питания (особенно частотна пара *хлеб – вино*). Дальняя периферия контраста в обоих языках представлена антонимичными словосочетаниями. Крайняя периферия немногочисленна.

Бином «**родители (отцы) – дети**». Антиномия связана с так называемой «проблемой поколений». Выделены лексические единицы с семантикой «разобщенность родителей и детей»: *Батька горбом (нажил), а сынок горлом (прожил); Sūnus turtus krauna, o tėvas ubagauna* (Сын добро грузит, а отец нищенствует). Содержательно противостоит данной группе паремий другая группа со значением «преимущество поколений»: *У доброго дядьки (батьки) добры и дитятки; Kokia motka, tokia duktė* (Какова мать, такова и дочь).

Моном «родители (отцы)» конкретизируют экзистенциальные СМ «родительская любовь», «любовь к родителям», качественные СМ «уникальность родителей», «родительская строгость», «родительское горе» и аксиологические СМ «обожествление родителей», «хорошие родители», последний выделен в русском языке и является национально-культурным: *У кого детей много, тот не забыт от бога; Тот не умирает, кто детей не покидает.*

Моном «дети» включает аналогичные группы субмономов. Аксиологические субмономы являются разнонаправленными с точки зрения выраженной оценки: СМ «дети – радость» репрезентирует благополучные взаимоотношения детей и родителей: *Сын да дочь – ясно солнце, светел месяц; Geri vaikai bus tėvams senatvėj paguoda* (Хорошие дети будут утешением родителей в старости); противоположный СМ «дети как обуза» указывает на хлопоты, трудности воспитания детей в семье: *Детки малыньки – поесть не дадут, детки велики – пожить не дадут; Namie bėda su vaikais, o mieste su ubagais* (Дома беда с детьми, а в городе с нищими). Качественный СМ «детская неблагодарность» квалифицирует признаки корысти (в том числе и материальной), неблагодарности, равнодушия детей по отношению к своим родителям: *Плачет сын по отцу, что мало денег оставил; Tėvas sūnų obuoliais, sūnus tėvą pagaliais* (Отец сына яблоками, сын отца палками). Экзистенциальный СМ «сиротство» репрезентирует несчастную судьбу, лишения и обиды сироты, а также его надежды на лучшую долю.

В русском языке выделены национально-культурные субмономы: «строгость воспитания»: *Кулаком да в спину – то и приголубье сыну;* «многодетность» (указывается как на положительные, так и на отрицательные стороны многодетности): *Много бывает, а лишних не бывает; Первые детки – соколятки, последние – воронятки;* «неразумность, неопытность»: *Детям не жить, коли не умом да благословением родителей.*

Ядро поля контраста в данной группе представлено узуальными антонимами – качественными прилагательными и однокоренными глаголами. Ближняя периферия в русском языке отличается большей вариативностью. К дальней периферии отнесены контрастирующие словосочетания, особенно продуктивна данная оппозиция в литовских паремиях: *Ačiū Dievui – mūsų tėvai ropių nesėjo, ir mes ridikų nerausim* (Слава Богу – наши родители **репу не сеяли**, и мы не будем **редьку копать**). Крайняя периферия включает оппозиции падежных форм существительных: *Dažnai tėvai verkia nuo vaikų, bet dar dažniau dėl vaikų* (Часто родители плачут **от детей**, но чаще **из-за детей**).

Бином «женщина – мужчина». Ключевые лексемы-репрезентанты: *мужчина, муж, мужик / vygas, – женщина, жена, баба / žmona, patė, boba.* Андроцентричность особенно ярко выражена в литовском языке, т.к. понятия *мужчина* и *муж* (мужчина, состоящий в браке) выражаются одним словом *vygas*. Значительная часть русских и литовских паремий построена на

противопоставлении женского и мужского начал. Такое противопоставление происходит по многим критериям, например по внешним признакам: *Jauna pati – vyras liesas* (Молодая жена – тощий муж); по разнице в характерах и внутреннем мире: *В чем деду стыд, в том бабе смех; Ką vyrai mįslija, moterų jausia* (Что мужчины думают, женщины чувствуют).

Моном «женщина» включает качественные СМ «женский нрав», «женский ум», «женская красота», национально-культурный для русского языка СМ «женская сила» (*С ухватом баба хоть на медведя*). Аксиологические СМ отражают различный взгляд мужчины на роль женщины: *Gera moteris – namų raktas* (Хорошая женщина – ключ дому) – «положительный образ»; *Кобыла не лошадь, баба не человек* – «отрицательный образ»; СМ «женщина-черт» особенно ярко представлен в литовском языке: *Ant moters liežuvio septyni velniai sėdi* (На женском языке семь чертей сидит). Выделяются также поведенческие СМ «женские слезы», «женская конфликтность», «женская болтливость». Экзистенциальные субмономы отражают взгляды на образ жизни женщины, на ее статус: «несвобода», «жена».

Моном «мужчина» обладает меньшей номинативной плотностью. В состав экзистенциальных субмономов включаем СМ «муж» – может выражать как положительную, так и отрицательную оценку. Поведенческий СМ «подчинение мужа жене» репрезентирует зависимое положение мужа в семье. **Квалитативные** субмономы: СМ «мужской ум», «внешность», последний указывает в русском языке на несоответствие между внешностью и внутренним содержанием: *Молодец красив, да на душу крив; Личиком гладок, а делами гадок*; в семантике литовских паремий находят выражение критерии красоты или некрасивости: *Vyras už velnią gražesnis, ir gražus* (Мужчина красив, если черта красивее). В рамках аксиологического СМ «настоящий мужчина» отмечены орнитонимы, конкретизация качеств настоящего мужчины находит выражение в образе сокола (русские паремии) или в образе орла (литовские паремии): *Наш сокол мал, да удал; Geriau gyventi ereliu trumpai negu varna ilgai* (Лучше коротко жить орлом, чем долго вороном).

К национально-культурным субмономам относим: в русском языке СМ «советы мужу»: *Муж жену береги, что трубу на бане; Жену выбирай ушами, а не глазами*; в литовском языке – «мужское коварство»: *Vyro gyvenime laimingos dvi dienos : kai ženijas ir kai boba miršta* (В жизни мужчины два счастливых дня: когда женится и когда баба умирает);

Выделены сходные для русского и литовского языков ядерные репрезентанты контраста – абсолютные антонимы. Выявлены средства выражения периферии контраста, широко представленные в обеих лингвокультурах: контекстуальные антонимы с различной семантикой, в том числе ассоциативные оппозиции орнитонимов, межчастеречная антонимия, антонимия словосочетаний, грамматических форм существительных.

Таким образом, предложенный комплексный подход к анализу паремичных единиц в компаративном аспекте позволяет взглянуть на проблему описания лингвокультурных антиномий с разных точек зрения. А это, в свою очередь, намечает перспективы дальнейших исследований как в области более глубокого изучения отдельных групп паремий, так и более широкого рассмотрения паремического фонда близкородственных и неблизкородственных языковых групп.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

*Статьи в рецензируемых журналах,
рекомендованных ВАК Минобрнауки России*

1. Голембовская, Н.Г. Репрезентация бинарной антиномической оппозиции «труд – безделье» в семантике русских и литовских паремий / Н.Г. Голембовская // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 1 (38). – С. 194–196 (0,4 п.л.).

2. Голембовская, Н.Г. Лингвокультурные антиномические оппозиции в аспекте гендера (на материале русских и литовских паремий) / Н.Г. Голембовская // Научное мнение: Санкт-Петербургский университетский консорциум. – 2013. – № 7. – С. 27–31 (0,5 п.л.).

3. Голембовская, Н.Г. Национально-культурные особенности вербализации антиномии «жадность – щедрость» русскими и литовскими паремиями / Н.Г. Голембовская // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. – 2013. – № 1 (17). – С. 175–178 (0,4 п.л.).

*Статьи в научных журналах, сборниках научных трудов
и материалов научных конференций*

4. Голембовская, Н.Г. Изучение паремий в истории литовской фольклористики / Н.Г. Голембовская // Сборник докладов II Международной научной заочной конференции «Вопросы научного образования по гуманитарным, социальным и психологическим специальностям». – М.: Изд-во ИНГН, 2011. – С. 20–23 (0,2 п.л.).

5. Голембовская, Н.Г. К вопросу изучения семантики литовских пословиц / Н.Г. Голембовская // Перспективы развития современной филологии: материалы I Международной научной конференции, 30–31 августа 2011 г., СПб. – Петрозаводск: Петропресс, 2011. – С. 24–28 (0,3 п.л.).

6. Голембовская, Н.Г. Лексическая антонимия как средство выражения контраста в литовских и русских паремиях / Н.Г. Голембовская // Материалы Четвертой Всероссийской научной конференции молодых исследователей, посвященной Дню славянской письменности и культуры / Моск. гос. обл. соц.-гум. ин-т, отв. ред. Л.Н. Костякова. – Коломна: МГОСГИ, 2012. – С. 67–76 (0,6 п.л.).

7. Голембовская, Н.Г. Репрезентация антиномии «Ум – глупость» в семантике русских пословиц / Н.Г. Голембовская // Современное русское

языкознание и лингводидактика: сб. науч. тр., посвящ. 90-летию со дня рожд. акад. РАО Н.М. Шанского / ред. В.В. Никульцева. – М.: Изд-во МГОУ, 2012. – Вып. 3. – С.484–487 (0,2 п.л.).

8. Голембовская, Н.Г. Особенности вербализации антиномической оппозиции «богатство – бедность» в русской паремике / Н.Г. Голембовская // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. – Сочи: РИЦ ФГБОУ ВПО «СГУ», 2012. – Вып. 17. – С. 25–29 (0,3 п.л.).

9. Голембовская, Н.Г. Отражение ценностной антиномии «любовь – ненависть» в русской паремике / М.В. Милованова, Н.Г. Голембовская // Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: материалы IX Междунар. заоч. науч.-практ. конф. (5 марта 2013 г.). – М.: Изд-во «Международный центр науки и образования», 2013. – С. 109–113 (0,3 п.л.).

10. Голембовская, Н.Г. Антиномия как принцип организации русских и литовских паремий / Н.Г. Голембовская // Международная научно-практическая конференция «Балтийские языки и литературы в истории и в современном мире». – М., Вильнюс: Изд-во Литов. эдукологического ун-та, 2013. – С. 34–37 (0,2 п.л.).

11. Голембовская, Н.Г. Отражение антонимичности народного сознания в семантике и структуре русских паремий (на примере бинарной оппозиции «трезвость – пьянство») / Н.Г. Голембовская // Сборник по результатам XVIII заочной научной конференции. Research Journal of International Studies. Международный научно-исследовательский журнал. – Ч. 2. – № 8 (15). – Екатеринбург, 2013. – С.94–95 (0,2 п.л.).

ГОЛЕМБОВСКАЯ Наталья Георгиевна

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ АНТИНОМИИ
В РУССКИХ И ЛИТОВСКИХ ПАРЕМИЯХ

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано к печати . Формат 60x84/16. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,4 . Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 110 экз. Заказ .

Типография Издательства ВГСПУ «Перемена»
400066, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27